

Я.Н. ЛЮБАРСКИЙ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

И ВНОВЬ О ХОНИАТЕ И КИННАМЕ

Заголовок этой заметки должен напомнить читателю название статьи А.П. Каждана, опубликованной уже сорок лет назад¹, о которой немного ниже.

Проблема соотношения текстов двух историков XII в., писавших об одном и том же времени и живших примерно в одну и ту же эпоху (Хониат был младше Киннама лет на двадцать), неоднократно обсуждалась в новое время. Разброс мнений оказался достаточно велик: одни говорили о зависимости Хониата от появившегося несколькими десятилетиями ранее труда Киннама, другие настаивали на полной самостоятельности обоих текстов. Лишь два исследователя XX в. – В. Греку и, особенно, А. Каждан – дали себе труд последовательно сравнить сообщения и форму рассказов обоих авторов и пришли к единодушному выводу, что Хониат зависим от Киннама². Разница в их суждениях заключалась в том, что, по В. Греку, который отмечал лишь языковые сходства, заимствования Хониата у Киннама обнаруживаются в разделах его «Истории», посвященных царствованиям как Иоанна II, так и Мануила I Комнинов (книги I–IX), в то время как, согласно А. Каждану, исследовавшему не столько языковые совпадения, сколько тождество и различия в композиции, влияние Киннама можно наблюдать только в первой книге Хониата (о царствовании Иоанна Комнина).

Вывод А. Каждана звучит достаточно определенно: «Тождество плана повествования в обоих хрониках имеет место в I книге, посвященной правлению Иоанна II Комнина, и практически исчезает после рассказа о его смерти. В дальнейшем мы можем наблюдать лишь случайные совпадения. Независимость обоих историков в рассказе о царствовании Мануила I особенно подчеркивает сходство повествования в I книге»³.

---

¹ КАЖДАН А.П. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате//BS. 1963. Vol. 24. С. 4-31.

² GRECU V. Nicétas Choniatès a-t-il connu l'histoire de Jean Cinnamos//REB. 1950. Т. 7; КАЖДАН А.П. Еще раз о Киннаме... С. 4 сл.

³ КАЖДАН А.П. Еще раз о Киннаме... С. 28.

Не оспаривая этого вывода по существу, позволим себе усомниться лишь в одной частности: действительно ли случайны совпадения в повествовании обоих историков о Мануиле?

Отмечая совпадения между двумя авторами, В. Греку приводит всего четыре примера из текста самих произведений (остальные заимствованы из прозаиче-ских произведений). Из этих четырех примеров два относятся именно к царствованию Мануила!⁴

Сам А.П. Каждан отмечает некоторое сходство в изложении нескольких эпизодов у обоих историков, которое, как уже говорилось, он счел случайным.⁵ В новом итальянском издании «Истории» Хониата Р. Маизано тоже отметил в своем комментарии несколько показавшихся ему сходных пассажей. Так Хониат описывает противозаконную связь любвеобильного Андроника (будущего императора Андроника I) с Филлипой в выражениях, сходных с теми, которые употребляет Киннам в отношении Андроника и Феодоры (Chon., 140; Cinn., 250.17 sq.)⁶.

К этому числу прибавим и другое наблюдение. Рассказывая об осаде войском Мануила Сирмия в 1165 г., Хониат пишет, что венгры осыпали византийцев злой бранью со стен города, однако осаждающие воздержались от брани как от оружия позорного и бабского (ὡς ἀγεννοῦς ὄπλου καὶ γυναιχείου) и решили дело силой оружия (Chon., 133.64 – 134.72). В этом пассаже особенно интересен для наших целей эпитет γυναιχείος («бабский»), которым определяется брань и сквернословие защитников крепости. Дело в том, что в аналогичном эпизоде у Киннама повествуется о некоей женщине, которая, стоя на стене Сирмия, бесстыдно задрала юбку, обнажила свой зад перед осаждающими и при этом «несла какую-то нескончаемую ахинею (ἀτέραντον βαττολογίαν)». Один из воинов послал стрелу и убил насмешницу, труп которой потом обнаружили византийцы (Cinn., 246.2–10). Не является ли эпитет γυναιχείος своеобразной «репликой» рассказа Киннама?

Однако, пожалуй, самым ярким из примеров сходства обоих текстов является эпизод бегства Андроника из тюрьмы, относящийся тоже к 1165 г. Изложу этот эпизод, используя исключительно сообщения и детали, совпадающие у обоих авторов:

⁴ GRECU V. Nicetas Choniates... P. 200-201.

⁵ КАЖДАН А.П. Еще раз о Киннаме... С. 23 сл.

⁶ Niceta Coniata. Grandezza e catastrofe di Bisanzio/Intr. di A. KAZHDAN, testo critico e commento a cura di R. Maisano, 1994. P. 609. «Историю» Никиты Хониата цит. по изд.: Nicetas Choniates. Historia/Ed. J.L. VAN DIETEN. Berlin, N.-Y., 1975. Произведение Иоанна Киннама по: Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum/Ed. A. MEINEKE, Bonn, 1836.

1. Андроник делает на воске отпечатки ключей от своей камеры (κηρῶ τὰς κλειδας μεταλαβῶν – Cinn., 233.3; κηρῶ ἐκμάξασθαι ταύτας – Chon., 129.36).

2. Восковые отпечатки Андроник передает сыну на волю, который изготавливает по ним новые ключи и отправляет их обратно в тюрьму Андронику.

3. Вечером Андроник покидает камеру и прячется в отдаленном нехоженном углу тюремного двора, поросшем высокой травой (ἐνθα ἄτε ὀλίγα πατουμένου τοῦ χώρου βοτάναι τινὲς αὐτόματοι φυόμεναι ἐπὶ πλείστον ἀνέτρεχον μῆκος – Cinn., 233.8-10; χόρτος ἀμφιλαφῆς περί του τὰ ἄβατα μέρη τῶν ἀνακτόρων φυεῖς καὶ εἰς ὕψος ἀναδραμῶν – Chon., 129.48-49).

4. Переждав некоторое время (по Киннаму до поздней ночи, по Хониату – три дня), Андроник поднимается на стену, выходящую к морю, где уже стоит наготове лодка.

5. Андроник уже готов сесть в лодку, как его задерживают стражники, постоянно дежурящие на стенах. Андроник сочиняет легенду для стражников и подкупает их (способ подкупа различен).

6. Явившись домой, Андроник избавляется от кандалов.

7. Андроник покидает Константинополь и отправляется за город, где его уже ожидают приготовленные для него лошади. Андроник бежит в Галицию.

В передаче этого эпизода немало отличающихся нюансов, повествование Хониата несравненно более красочно и богато деталями, тем не менее, как видно, полностью или почти полностью совпадающих у обоих авторов элементов оказалось вполне достаточно, чтобы составить полный и последовательный рассказ о бегстве Андроника.

Одна частность кажется особенно показательной. Согласно Киннаму, Андроник, готовый спуститься в поджидавшую его лодку, поднимается на стену, которая «была не высока, но настолько возвышалась над морем, что оно, вздымаемое ветром, часто било по ней своими влажными ладонями» (Cinn., 233.23 – 234.2). У Хониата в соответствующем месте читаем: «лодка находилась у берега и выступов, которые делили морскую стену города и разбивали удары волн» (Chon., 129.53-54)⁷.

⁷ «... περί τὰς ἀκτὰς σαλεῦον καὶ τοὺς προβλήτας, οἱ τὸ πάραλον τεῖχος τῆς πόλεως διειλήφαι, τὰς τῶν κυμάτων ἀποθραύοντες ἐμβολὰς». Под «выступами» (προβλήτας) понимаются, быть может, контрфорсы стены. Наше понимание этого места отличается от итальянского перевода А. Понтани, которая под προβλήτας понимает «прибрежные камни». См.: Niceta Coniata. I. 295. Ф. Граблер переводит «расположенные перед стеной волнорезы (Wogenbrecher)». Магулина – «волнорезы (breakwaters), расположенные на определенном расстоянии один от другого пе-

В обоих случаях отмечается одна совершенно необязательная деталь: морские волны, омывающие городскую стену.

Очень похоже, что у того и другого авторов содержится какая-то реплика из некоего общего (с риторическими претензиями (?), вспомним «влажные ладони» у Киннама) письменного источника. Впрочем, первоисточником всего рассказа в целом мог быть только сам Андроник Комнин.

Пожалуй, все приведенные примеры сходства (кроме последнего!) действительно, вслед за А.П. Кажданом можно было бы объяснить простым случайным совпадением. Но не слишком ли много этих «совпадений»? Не кроется ли за «случайностями» еще нам неизвестная «закономерность»?

JA.N. LJUBARSKIJ

S.-PETERSBURG

UND NOCHMALS ÜBER CHONIATES UND KINNAMOS

Der Titel soll den Leser an einen Artikel von A.P. Každan erinnern, der nunmehr schon vierzig Jahre zurückliegt. Die Frage nach der Abhängigkeit des Niketas Choniates von Ioannes Kinnamos – beide Historiker beschreiben die Regierungszeit Ioannes' II. und Manuels I., Kinnamos aber war um zwanzig Jahre älter als Niketas – wird in dem Sinne entschieden, dass eine Abhängigkeit besteht. V. Grecu entdeckte bei Niketas sprachliche Anklänge an Kinnamos' Darstellung der Regierungszeiten beider Herrscher, für die er allerdings jeweils nur zwei Beispiele anführt, während Každan auf Grund kompositorischer Gleichheiten und Unterschiede den Einfluss des Kinnamos auf Niketas mit der Schilderung der Regierungszeit Ioannes' II. enden lässt und weitere Übereinstimmungen für zufällig hält. R. Maisano hingegen verweist auf die Ähnlichkeit zwischen Niketas' Schilderung der außerehelichen Beziehung des nachmaligen Kaisers Andronikos I. zu Philippa und Kinnamos' Bericht von Andronikos' Verhältnis mit Theodora. Der Autor ergänzt Maisanos Beobachtung durch zwei weitere Beispiele. Niketas spricht davon, dass die von Manuel 1165 in Sirmium belagerten Ungarn die Byzantiner auf 'weibische' Weise beschimpften. Kinnamos erzählt, dass ein Weib vor den Belagerern schamlos den Rock hochhob und sie beschimpfte, bis sie erschossen wurde.

ред морскими стенами города». См.: MAGOULINAS J.H. City of Byzantium. Annals of Niketas Choniates. Detroit, 1984. P. 72. Προβλής у древних авторов начиная с Гомера, нередко употреблялся при описании городских стен. См. напр.: Илиада, 12.259. В Суде προβλής дается как синоним ἔπλολις (зубец, бруствер).

«Ist das Epitheton γυναικεῖος (weibisch) nicht eine eigenartige «Replik» der Erzählung des Kinnamos?» fragt der Autor. Beide Historiker berichten für dasselbe Jahr Andronikos' Flucht aus dem Gefängnis (Schlüsselabdruck in Wachs, Nachmachen des Schlüssels, Verlassen der Zelle und Versteck im Gebüsch, Besteigung der Mauer und Fluchtboot, Festnahme durch die Wächter und deren Bestechung, Rückkehr nach Hause und Befreiung von den Fesseln, Flucht zu Pferd nach Galizien). Trotz geringer Unterschiede (laut Kinnamos wartet Andronikos im Gebüsch nur die Nacht ab, laut Niketas verbringt er dort drei Tage) sieht der Autor ein verräterisches Detail darin, dass sowohl Kinnamos (233.23 – 234.2 MEINEKE) wie Niketas (129. 53 f. VAN DIETEN) vom Wellenschlag des Meeres vor der Stadt- und Gefängnismauer sprechen. Einen Ausdruck Každans aufgreifend, fragt er zum Schluss: «Verbirgt sich nicht hinter den «Zufälligkeiten» noch eine unbekannte «Gesetzmäßigkeit?»»